

...ПРОЛОГ...

Рядом с морем оживали мертвецы. Здесь и сейчас их присутствие Кирис ощущал особенно остро, а поэтому норовил закрутиться в плащ, будто пропитанная каучуком ткань могла защитить от пронизывающего ветра.

— Сдаешь, — заметил человек, которого со стороны можно было бы принять за рыбака. У него и лодка имелась, узкая и длинная, как и полагается хитрой сардине, способной и сквозь прибрежные рифы пробраться, и от патруля уйти.

Сам человек был невысок, коренаст и облачен в одежду простую.

Деревянные башмаки его увязли в песке, а серые плотные чулки гляделись колючими с виду. Кожаные штаны успели обзавестись характерным налетом соли, как и потрепанная куртка, в карманах которой скрывалось немало полезного.

— Мое присутствие там лишено смысла, — Кирис поднял капюшон.

В кармане лежал сверток, ради которого и была затеяна встреча. Странно было думать о стоимости того, что пряталось в клетчатом платке, небрежно обернутом куском бечевы.

Его собеседник лишь хмыкнул и вытащил трубку.

Он сел на перевернутую лодку, ноги расставил, пропахав в песке глубокие линии, которые начали наполняться водой. Море никогда не уходило далеко, оно и сейчас знакомо шелестело, повторяя имена, будто опасаясь, что Кирис возьмет и забудет.

— Сколько лет потрачено и... зря.

— Так уж и зря?

Дым поднимался, но невысоко, будто упираясь в сизую небесную твердь. Он расплзался, отгоняя редкий по осени гнус и вызывая у Кириса желание чихнуть.

— То, что я передал, это мелочи... так, пара взяточников и только. Сауле... конечно, другое дело, но одних ее слов недостаточно. Тем более, при нынешней репутации.

Человек кивнул.

Согласился.

— Лайма... не пойму. Она то готова ему ноги целовать, то ненавидит... ненадежно, кроме того, опять же, вряд ли она знает много.

— Старшая?

— Предана. Не столько сыну, сколько собственным интересам. А падение рода в них не входит. Впрочем, если почувствует угрозу для себя лично, то станет договариваться. Правда... сомневаюсь, что от нее будет польза. Он осторожный засранец.

Кирис сел.

Он смотрел на море, сизое, бугристое, на скалы, облепленные ракушками, на зеленоватый зыбкий песок, который вскоре окажется под водой. Откуда-то издали ветер доносил дым и запах свежего хлеба, копченой рыбы, но есть не хотелось.

Показалось, кто-то коснулся затылка...

Рассмеялся.

Кирис, Кирис, неужели забыл? Все берега похожи друг на друга, и тебе лишь достаточно подойти к воде, позвать...

Кого ты хочешь увидеть?

Он вздохнул, отрешаясь от голоса. Это все Бейвир с его легким безумием, которое витало в воздухе, пропитывало стены древнего дома и обитателей его. Они, надышавшись, напившись этого безумия, давно ходили на людей лишь внешне.

Только об этом следовало помалкивать.

— А мальчишка? — Человек выпустил трубку и выдохнул дым. — Он... как?

— Не могу понять. Возможно, и вправду сумасшедший, а может... там время давно остановилось. Я не знаю, — Кирис вскочил, и море всхлипнуло под ногами. Оно цеплялось за ботинки, норовило подняться выше, обещало, что если он позволит... — Каждый день, словно отражение предыдущего. Предыдущих. У меня появляется чувство, что я сам схожу с ума. И он это знает, клянусь... и ждет, когда же...

— Успокойся.

Ветер подул, пытаясь из пены вылепить фигуру.

Вельма?

Или...

Кровь на руках куда не делась, Кирис вновь ощущал ее запах. И это чувство слегка стянутой кожи, влажноватой грязи, что застынет, забьется под ногти.

Замутило.

— Или меня травят, — этого он тоже не исключал. —

6 Эйта Ирма... очень талантлива.

— Тоже возможно. — Из кармана куртки появилась пуговица, с которой свисал пучок разноцветных нитей. — Носи при себе. Очень полезная штука.

Плетение было незнакомым.

Да и сам амулет выглядел на редкость несерьезно. Предложи его кто другой, Кирис решил бы, что над ним издеваются, но вот Корн подобной привычки не имел. На молчаливый вопрос ответил, правда, не сразу.

— Один... очень хороший артефактор сделал. Пользуйся. Об отраве предупредит, кое-где кровь почистит... не сказать, чтобы вовсе спасение, но получше стандартного будет. Да и хватит на долгие.

По ребру пуговицы шел узор из рун, настолько мелких, что Кирис дважды прощупал, прежде чем удалось уловить хоть что-то знакомое.

— А...

— И потерпи, — Корн вытряхнул трубку на песок и каблук втаптал пепел, а набежавшая волна послушно стерла следы. — Скоро это гадючье гнездо зашевелится. Предложение ему уже сделали...

Спокойное лицо перекосила маска ярости.

И шепот моря стал четче.

Неужели думаешь, Кири, что только ты его слышишь? Мертвецы, они ведь за каждым стоят. Ждут не дождутся. Или наоборот, дождутся?

Он убрал пуговицу во внутренний карман и почти не удивился, когда та нагрелась. Стало быть, все-таки травят. Оно, конечно, ожидаемо, но все равно неприятно. И ведь действует, несмотря на стандартный антидот.

— Жжется? — почти с сочувствием поинтересовался Корн, только глаза его смотрели не на Кириса, а на море. И выражение лица... будто ждет.

Жадно ждет.

С нетерпением.

Кого? Ответ известен, как и то, что подобное ожидание до добра не доводит. Морю нельзя верить, с него станется заманить лживыми обещаниями. Впрочем, люди не лучше.

— На вот. — Из другого кармана появилась целая связка амулетов. — Чувствую, пригодятся. Да не смотри, мне они перепали, так сказать... по-родственному.

Корн вздохнул.

И потянулся.

— Он не устоит. И от предложения отказаться не сможет, королям не отказывают, и камни не захочет из рук выпустить. Мар всегда был болезненно жадным засран-

цем. Жадность его и сгубит... в общем, жди. В любом случае он скоро отправится в гости и вернется не один.

Корн поднял гладыш, смахнул прилипшие песчинки и, взвесив на ладони, запустил. Правда, море игру не поддержало, покачнувшись, оно расступилось, чтобы сомкнуться уже над камнем.

— Только... — Корн повернулся. — Смотри. Если ошибешься снова, я лично тебя на этом вот берегу закопаю.

Призрачный смех Вельмы был ему ответом. А во рту появился солоноватый привкус крови. Вздохнуло море: оно тоже не любило, когда прошлое возвращалось.

... ГЛАВА 1 ...

Рядом с Маруном я всегда ощущала себя полным ничтожеством. А это злило. Несказанно злило. И пальцы дрогнули, сжимая брошь с вплетенным заклятием. Я с трудом подавила подленькое желание кинуть ее в корзину, сделав вид, что к броши этой отношения вовсе не имею, так, случайно взяла, но Мар повел бровью и небрежненько этак бросил:

— Прекрати, Эгле, я и вправду хочу с тобой поговорить.

Он провел пальчиком по прилавку. Поднес оный пальчик к своему носу, украшенному аристократической горбинкой, хмыкнул:

— У тебя здесь пыльновато. Убираться не пробовала?

— Некогда, — буркнула я, испытывая преогромное желание за прилавком спрятаться. И закрыть уши, чтобы не слышать Мара.

Явился.

А ведь не было ни чужих кораблей, ни мальчишки, которого хозяин острова всенепременно отправил бы предупредить меня. И вот вопрос, откуда Мар взялся? Договорился с кем-то из свободных капитанов? Осень. И не многие рискнут пойти морем, да и, что куда важнее, рассориться с Тересом, который подобного неуважения не простит.

Я вздохнула и повернулась к окну, за которым, как и вчера, позавчера и треклятую бездну дней до того, простирался пустынный, вылизанный морем до белизны берег.

А ведь так хорошо все шло. Семь лет покоя, когда я почти поверила, что ему надоело судиться, почти привыкла считать себя свободной — ладно, почти свободной, — женщиной, и вот, надо же, снизошел. Стало быть, что-то ему от меня понадобилось, то есть что-то помимо тех моих патентов, которые хитрым вывертом нашего законодательства считались собственностью супруга.

Как моя одежда.

Обувь.

И я сама.

Что ж, у высокого брака есть свои недостатки.

— Некогда, — мурлыкнул Мар, наклоняясь. От него несло дорогой туалетной водой, сладковатым ароматом цитрона, которым щедро сдабривали бриллиантин марки «Злот», стало быть, не изменил привычке. И сигарами тоже попахивало. Коньяком... столько лет прошло, а я помню все эти запахи, будто только вчера... еще помню, как умел он голову морочить. Вот перемахнет сейчас через прилавок, который для благородного эйта и не препятствие вовсе. Обнимет. Погладит по волосам и скажет:

— Что ж ты так, Эгле? Ведь у нас все могло быть иначе... Я стиснула кулаки.

Ну уж нет. Хватит. Наслушалась. Дышать надо глубже, да и успокоиться. Ничего он мне не сделает. Не здесь. Свободная земля. Свои законы.

А с хозяином у меня дела.

Хозяин вообще чужаков не любит, а уж тех, кто делам способен навредить, и подавно.

Места здесь пустынные, море норовистое, а в лабиринтах местных скал, случалось, весьма опытные люди пропадали. Ольс, он умеет хранить секреты.

— Знаешь, дорогая, — Мар замер, разглядывая слегка промасленную гайку, которая закатилась под кривобокую вазу. В ней почтенная вдова, которой, собственно, и принадлежала мастерская, держала сушеные рыбы головы.

На Ольсе люди были... несколько странными. Но я привыкла.

Мар же ткнул в вазу пальцем и произнес:

— Мне кажется, нам пришла пора кое-что изменить в наших отношениях.

— Ближе к делу, — я дала себе слово, что не позволю ему втянуть меня... не знаю, во что, но всяко не идущее мне на пользу.

Не позволю и все тут.

Хватит.

Да, раньше я была дурочкой... такой вот умненькой дурочкой, которой даже эйт Лённрот, известный своей нелюбовью к слабому полу, пророчил неплохое будущее и которая сама, собственными, можно сказать, руками, это будущее похоронила.

А ведь предупреждали...

С Маром я познакомилась, будучи на пятом курсе Бирштонского технического. Славное заведение с древними традициями и засильем чистокровных эйтов, уверенных, что мир создан исключительно ради их удобства. А про-

чие, кому выпало родиться с даром, но в семье простой, это так... недоразумение.

У меня была государственная стипендия — виданное ли дело для девицы, если не из низов, то всяко к оным приближенной, — определенная репутация, подработка в университетской лаборатории и с трудом заработанное расположение эйта Лённрота.

У Маруна — место аспиранта, полученное, как теперь понимаю, не столько по заслугам, сколько по матушкиной просьбе, и бездна очарования. О нем говорили. Не буду врать, что только хорошее, но Мар обладал удивительнейшей способностью морочить головы людям.

Душа компании.

Сердце университета, которое трепетные женские ручки передавали друг другу с легкой печалью. Совесть... с совестью у Мара и тогда было сложно.

За полгода он сумел обрасти связями, завязать полезные знакомства, будь то в столовой, где ему готовили отдельно, или же в деканате, где престарелая нейта Урьяш всегда готова была переписать уже существующее расписание, чтобы Марику было удобно. Его считали своим парнем студенты. И преподаватели. И даже ректор, стоящий словно бы над всеми, на Маровы выходы взирал снисходительно. Как-то сама собой возникла и золотая компания, где нашлось место и для Маровой сестрицы, пятерки ее подруг и парней с боевого.

Когда Мар обратил свой взор на скромную мою особу, я, признаться, решила, что это он с похмелья. Все же девиц он предпочитал видных, выразительных, что внешностью, что характером, который как-то умудрялся смирять. А я...

Полтора метра роста.

Веснушки, которые не исчезают даже зимой. Они усыпали кожу до того густо, что порой та казалась рыжей. И популярности мне этот факт не добавлял. Впрочем, мне было плевать на популярность, тогда я твердо знала, чего хочу от жизни, и тратить время на пустые романчики не собиралась.

На пустые...

А Мар...

— Вам не говорили, что вы прелестны? — он подарил мне тонкую веточку ландыша в колбе.

— Нет.

Я растерялась.

И разозлилась.

И... и еще раз растерялась, потому как Мар поклонился и исчез, будто его и не было. На следующее утро я нашла еще один ландыш, к счастью, Мар додумался не совать

его в рабочий раствор, воспользовавшись чистой колбой. Потом был букет на подоконнике, с той стороны стекла, а с учетом, что жила я на седьмом этаже, это казалось подвигом.

Он играл со мной.

Появлялся. И исчезал, оставляя треклятые цветы, и видит Эйра Светлоокая, я в какой-то момент включилась в игру... и стоит ли удивляться, что не прошло и полугода, как мы оказались в одной постели.

Подруги?

Их у меня никогда не было. Характер не тот, да и сложно дружить с человеком, чей мир ограничен стенами лаборатории. Я ничего не понимала в моде и отношениях, не собирала сплетни, не умела объединяться против, а те, с кем меня сводила судьба, не желали вникать в красоту формул.

Соппротивление материалов?

Потоки сверхнизкой частоты? Сопряжение? И пространственная геометрия как способ... в общем, Марта, с которой мы делили комнату, лишь фыркала и закатывала глаза. Правда, Мара она оценила емко:

— Кобель. Но если для здоровья, то можно. Тебе давно уже пора жить начать.

Я же, дура, обиделась. И сказала:

— У нас все серьезно...

Марта же вздохнула, потерла лоб, на котором появились едва заметные морщинки, и сказала:

— Даже так... тогда беги от него, если можешь.

— Почему?

— Да потому что ты ему не пара...

Она оказалась права, Марта Спирковец, перебравшая с дюжину поклонников, прежде чем остановиться на невзрачном, рано польсевшем парне с целительского. За него, как слышала, она и вышла замуж, а после переехала куда-то на Перешту, где, надеюсь, и жила в тиши и согласии. Я же... я не послушала совета. Да и кто на моем месте послушал бы?

Я любила.

Меня любили. Будущее виделось прекрасным. И этому будущему не могли помешать ни Марова матушка, державшаяся со мной отстраненно и холодно, ни его сестрица, позволявшая себе откровенное хамство, ни подспудное чувство неправильности происходящего.

Эйты не женятся на таких, как я, без веского на то повода. Любовь?

Не смешите. Нет, я думала, что она есть, она живет, в тех же хрупких ландышах, в крохотных шоколадках, которые он вытаскивал из моих, тогда еще длинных — Мару

не по вкусу стрижки — волос. И я, словно ребенок, смеялась над простым этим фокусом.

Любовь была в открытках.

В плюшевом медвежонке, поднесенном мне на день рождения, в большом наборе инструментов, выполненном по заказу.

— Видишь, — я тогда уверилась, что все у нас сложится, и сидела над кофром, любовалась, не смея притронуться к арфитовым рукояткам. — Он не будет заставлять меня бросить учебу. Он хочет, чтобы я получила диплом. И место мне присмотрит.

— На собственном заводе? — Марта смотрела на меня с сочувствием. Целительница, она, верно, видела болезнь, вот только лекарства от нее не существовало.

— Да, но...

— Но?

Я коснулась-таки отмычек. Ах, здесь есть совсем крохотные, для работы на квазикристаллах. А вот и кисть со сменными насадками. Десяток разнообразных штеков, не говоря уже о резцах, которые, полагаю, и драконью кость возьмут.

— Это не совсем мое... то есть точно я не знаю... сама понимаешь, секретность.

Марта кивнула.

А я продолжила перебирать сокровища. Конечно, у меня имелся собственный ящик с инструментом, я его собирала лет с десяти, когда окончательно поняла, кем хочу стать. Но разве мог он сравниться с этим?

— Я не хочу ковыряться в моторах... или стать младшим чертежником... или оказаться в ситуации, когда все относится ко мне, как...

— К любовнице босса?

— К жене, — призналась я и тронула колечко. — Вчера Мар сделал мне предложение.

Были цветы.

И ужин в самом дорогом ресторане города. Правда, чтобы я не смущалась, Мар взял кабинку, и за это я ему была благодарна. Все же мой гардероб на подобные выходы рассчитан не был, а покупать еще и платья... благо Мар не предлагал, я бы все одно не позволила.

— Вообще я хотела бы остаться при университете, — призналась я, прикидывая, с чего завтра начать. Кристаллы почти выросли, пора было формировать узор, но я сомневалась, использовать ли традиционные молды или же попробовать изменить структуру опосредованно. Лённрот полагал эту мою идею чудшью, но... кристаллов я вырастила с запасом, если взять один, никто не заметит. — Продолжить работу над темой...

— А твой Мар...

— Говорит, что ему все равно, лишь бы я была счастлива. И я решилась.

От одного кристалла беды не будет, и вообще, как можно не опробовать такой инструмент? В университетской лаборатории и то похуже будет, хотя к чести Королевского Совета финансировали нас отлично. Но...

Я вытащила малую кисть.

Попробую.

Мы сочтались браком спустя три дня. Древний храм, сложенный из белого известняка. Жрец и малый чиновник с большой амбарной книгой, в которую наши имена вписывались медленно, будто даже этот, равнодушный с виду человек, продолжал сомневаться.

Мы не пара.

Все знали, что мы не пара.

Кроме меня...

Нет, следующие несколько лет я была беззаветно, бесспорно счастлива. Мар снял небольшую квартиру на территории кампуса. Так делали многие, к чему терять время на дороге, да и что есть в городе такого, чего нет в университете?

Я получила место в аспирантуре.

Мар вынужден был отказаться от преподавания.

— Пойми, дорогая, не мое это... студенты, отчеты... занудство бумажное. Я за прикладную науку... и вообще дело семейное внимания требует. А ты занимайся своими потоками и ни о чем не думай.

Я и занималась.

Спорила с Лённротом, который сперва к замужеству моему отнесся скептически, кажется, вообразив, что я в самом ближайшем времени брошу науку ради семьи... не знаю, честно говоря, если бы Мар тогда попросил, может, и бросила бы.

Любовь.

Опасное, мать его, чувство.

Но Мар не просил. Он уезжал и возвращался, привозил с собой ландыши и шоколад, устраивал вечера на крыше. Плед. Вино. И университетские голуби, толстые наглые птицы, которые, правда, казались мне забавными. Мы сидели и говорили... да обо всем на свете.

Он умел слушать, мой Мар.

И пусть сам признавал, что понимает едва ли треть, но... это звучало не обидно.

Моя маленькая умная девочка...

14 Опиет что-то придумала.

Надо оценить идею и оформить патент. Не морщи носик, я сам этим займусь.

В конце концов, мы же семья, ты только бумаги подготовь, отчет там и вообще.

И я готовила. И испытывала невероятную гордость, как же... первый патент принес нам тысячи крон — так, во всяком случае, мне сказали. Второй и третий не меньше. Четвертый Мар и сам вытащил из кипы моих записок, в которых он копался упоенно.

Я бы, говоря по правде, не стала бы завязываться с такой-то мелочью. Оказалось, что вовсе и не мелочь, а принципиально новый тип соединения, который снизил энергопотери в ведущих узлах...

Ты и представить себе не можешь, девочка моя, что это значит в промышленных масштабах.

Мар кружил меня по крыше, и голуби ворковали, словно нашептывая, что жизнь удалась. А я... я задышалась от переполнявшего меня счастья.

Пять лет.

Семь патентов и ворчание Лённрота, что наука, конечно, хорошо, но мне бы и семьей заняться. Ребенка там родить... теперь я понимаю, что он знал.

Да все, мать его, знали, кроме меня.

Благословенная слепота, от которой меня избавила Лайма. Она была маленькой и хрупкой, будто выточенной из куска горного хрусталя. Светлые до полупрозрачности волосы. Кожа настолько белая, что гляделось это едва ли не отвратительно. И огромные наивные глаза...

Вы меня не знаете...

Легкое платьице, едва прикрывавшее колени. Кружевной платочек и браслет с крупными сапфирами. Между камнями висели колокольчики, и браслет при каждом движении позвякивал. А Лайма не умела стоять не двигаясь.

Нас не представляли друг другу, и в любом другом случае я бы не стала разрушать семью, но... понимаете...

Лайма была беременна.

Немножко.

Так она сказала и мило зарозовелась. А я, помню, стояла и пыталась понять, что этой странной девочке нужно от меня. Она же, ободренная молчанием, говорила и говорила...

Мар меня не любит.

Быть может, когда-то и любил, но давно. Я ведь понимаю, что любые чувства рано или поздно умирают, особенно если над ними не работать.

Как?